

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.184-200>

Визуальные источники о новой советской обрядности в татарской деревне 1970-х годов

И.И. Ханипова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
ihanipova@mail.ru*

Резюме. В 1960–1970-е гг. в советском обществе актуализировалось формирование новой гражданской обрядности, одной из составляющих которой являлись семейно-бытовые (лично-семейные) обряды – торжественная регистрация и свадьба. Статья раскрывает процесс внедрения новой гражданской свадебной обрядности в татарской деревне в 1970-е гг. В качестве источника использованы свадебные фотографии из семейных архивов Нурутдиновых, Маматовых, Хаковых, Ромазановых – уроженцев разных районов Татарской АССР, а также полевые материалы автора, собранные с помощью глубоких и лонгитюдных интервью. Свадебные фотографии являются ценным иллюстративным материалом по проблеме формирования новой «советской обрядности» в социокультурном пространстве деревни, в том числе деструкции свадебного образа и лишения его национальных черт и особенностей. Они могут рассматриваться в качестве многопланового источника, на основе которого базируется конструирование коллективной памяти о советском прошлом.

Ключевые слова: советская свадьба, торжество, деревня, традиции, обрядность, визуальная антропология, фотография, семейный альбом, татары.

Для цитирования: Ханипова И.И. Визуальные источники о новой советской обрядности в татарской деревне 1970-х годов. *Историческая этнология*. 2024. Т. 9. № 2. С. 184–200. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.184-200>

Visual sources about new Soviet rituals in a Tatar village in the 1970s

I.I. Khanipova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ihanipova@mail.ru*

Abstract. In the 1960s–1970s in the Soviet society, formation of new civil rituals gained relevance. One of the newfound components was family and household (personal family) rituals – ceremonial registration and a wedding. The article reveals the process of introducing a new civil wedding ritual in a Tatar village in the 1970s. The sources include wedding photographs from the family archives of the Nurutdinovs, the Mamatovs, the Khakovs, and the Romazanovs – natives of different regions

© Ханипова И.И., 2024

of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, as well as the author's field materials collected through in-depth and longitudinal interviews.

Wedding photographs represent valuable illustrative material on the problem of the formation of a new "Soviet rituals" in the socio-cultural space of the village, including the destruction of the wedding image and deprivation of its national features and characteristics. They can be considered a multifaceted source upon which the formation of collective memory about the Soviet past is based.

Keywords: soviet wedding, celebration, village, tradition, ritual, visual anthropology, photography, family photo album, Tatars.

For citation: Khanipova I.I. (2024) Visual sources about new Soviet rituals in a Tatar village in the 1970s. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 2: 184–200. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.184-200> (In Russ.)

В последние годы все чаще объектом исследований визуальной антропологии становятся любительские (частные, домашние) фотографии (Круткин, 2005). Как показывает опыт полевой практики, во многих сельских семьях Татарской АССР (с 1990 г. Республики Татарстан) даже в последней четверти XX в. семейные фотоальбомы были редкостью. Об этом в свое время писала Р.О. Абилова, отмечая, что семейные альбомы как культурное явление в жизни сельчан распространялись гораздо медленнее, чем в городской среде, «как в силу отсутствия традиции, ограничений по религиозным мотивам, так и реальных возможностей приобщения к процессу фотографирования» (Абилова, 2022: 276).

Знакомство с семейным архивом Нурутдиновых, где в альбомах были представлены не только редкие послевоенные снимки членов семьи, групповые портреты, фотографии друзей и родных с традиционной подписью «Истәлеккә» («На память»), но и коллекция любительских снимков со свадьбы, позволило наглядно проиллюстрировать только-только появляющееся в пространстве татарстанской деревни гражданское свадебное торжество. В тоже время, основываясь на методологическом подходе «насыщенного описания» К. Гирца, с его «интерпретативностью» и фиксацией «сказанного» в доступной форме (Гирц, 2004: 7–41), автор статьи вводит в научный оборот документы из личных (семейных архивов) для дальнейших исследований.

Источниковедческий анализ снимков показал, что ни одна из свадебных фотографий не атрибутирована (не подписана). Даже фотоснимки, сделанные во время проведения официальной церемонии, черно-белые, более лучшего качества, не имеют никаких подписей. Качество большинства фотографий, неровная обрезка фотоснимков доказывают, что они «самоделные», «домашние». Вместе с тем, именно «непрофессиональный» взгляд фотографа позволил запечатлеть на кадрах весьма интересные с точки зрения социальной и культурной антропологии сюжеты. Сами же фотоснимки стали артефактами массовой культуры (Круткин, 2018).

В 1960–1970-е годы в советском обществе актуализировалось формирование новой гражданской обрядности, одной из составляющих которой являлись

семейно-бытовые (лично-семейные) обряды – торжественная регистрация и свадьба. Основой для государственного регулирования брачной обрядности стало принятое Советом Министров РСФСР Постановление 1964 г., направленное борьбу с религиозными суевериями путем внедрения в социуме новых гражданских праздников и обрядов с целью «воспитания советского патриотизма, коммунистического отношения к труду», а также укрепления семейных ценностей (Постановление, 1964). Этим же документом вводился контроль за заполнением актов книг органами записи актов гражданского состояния.

Повсеместно в периодической печати, в общественной литературе, в сфере кино пропагандировался опыт внедрения чисто светских – без религиозных элементов, праздников и ритуалов, т.н. новых гражданских обрядов. В это же время наблюдалось ужесточение контроля не только над православным обрядом венчания и мусульманским обрядом *никах*, но и в целом за религиозными взглядами, отправлением ритуалов.

Р.Г. Нурмухаметова 1956 г.р., уроженка Кукморского района Татарской АССР рассказывала:

Жили мы в деревне Красный Октябрь, это был колхоз «Дружба» Кукморского района. Семья у нас была религиозная. В те времена очень строго было. Учительница постоянно интересовалась, спрашивала, читает ли *эбийка* намаз. Я всегда «тормоз» включала: «Не знаю. А что это такое?». *Эбийка* всегда в потайной комнате читала намаз, чтобы никто не видел. Никогда вне семьи разговоров не было. Но, чтобы проверить, держат ли уразу, читают ли намаз под окнами ходили – по свету проверяли, очень рано же надо было читать утренний намаз. Когда мы учились, даже в школе нас проверяли, уразу держим или нет. Если на обед не идем – проверяли, заставляли кушать. В 1970-м г. помню мы остались ночевать в интернате, с райкома комсомола или из горкома партии приехала женщина, всем конфеты раздавала, говорила: «Скушайте при мне конфетку». Так проверяли (ПМА, 2024: Нурмухаметова).

Интересные воспоминания остались в памяти Р.Г. Нурмухаметовой о свадьбе старшей сестры.

Свадьбы тогда были другие – просто вечер. Сначала расписывались в сельсовете. Никаких пышных свадеб. На будущей жене простое нарядное платье. Одна сестра вышла замуж в 1965 г. Савея апа вышла в деревне в нач. 1970-х гг. В нашей семье свадьбы были религиозные, родители негласно продолжали читать намаз. Было и застолье, зятя, когда в гости приезжали, не пили, никогда водки на столе не было (ПМА, 2024: Нурмухаметова).

Еще одна информантка Г.С. Хакова (Миннибаева) 1949 г.р., уроженка с. Апазово Арского района Татарской АССР, вспоминая свадьбы 1960-х гг., рассказывала:

У татар фаты не было в наше время. Я вообще про это не знала. У нас, у татар, девушки фату не носили. В 1960-х никаких свадебных платьев то не было, просто любое новое платье, потому что у людей денег не было. “Яхшы кулмәк кияләр дә, бетте-китте” («Хорошее платье надевают, и все на этом» – прим. авт.). Марийцы даже в наше время в своих национальных платьях замуж выходили. В детстве я помню все свадьбы на лошади у всех были, и зимой, и летом (ПМА, 2020: Хакова (Миннибаева)).

О простоте нарядов молодоженов в день регистрации, причем далеко не белом платье, а «красном в клеточку», хотя и с белыми туфлями, белыми носочками, розовой рубашке в комплекте с черными брюками, отсутствии обручальных колец вспоминала и М.А. Зайнуллина (Буреева, 2020: 510–511).

Воспоминания очевидцев подтверждает исследование этнографа Р.К. Уразмановой, писавшей об отсутствии у татар традиции пошива особого, ритуального назначения свадебного платья и о новациях в конце 1960-х гг. в сфере свадебной одежды – специального белого платья разового пользования, темного костюма с белой рубашкой для жениха, а также обручальных колец (Уразманова, 2014: 114). Изучая функционирование обычаев, обрядов и праздников у татар в советский период, она отмечала значительные изменения в свадебной обрядности. Исследователь выделила три этапа в ее трансформации и отнесла период с начала 1960-х гг. к третьему этапу, когда все меньше соблюдались традиционные элементы свадебной обрядности, сменявшиеся ритуалами «торжественной» государственной регистрации брака (Уразманова, 2014: 106, 112).

В интервью Р.Г. Нурмухаметовой отражены традиции проведения деревенских свадеб в татарской деревне. Рассказывая о замужестве своих старших сестер, она упомянула, что в их краях в 1960-х гг. еще сохранялся обычай красть невесту:

Вот Савея апа. Ее же просто так забрали, как-бы украли. Парень из другой деревни, отец Дамиры, посадил в машину грузовую и не выпустил, увез. Несколько раз пытались своровать, то одни, то другие, то третьи. Один раз чуть не перевернулись, она схватилась за руль: “Сейчас руль поверну и все умрем”. Дамиры отец после клуба уговаривал замуж выйти, приходил, провожал, не хотела. Все равно забрали. Воевала-воевала, но увезли. А тут еще сосед у меня рядом жил. Его мама и моя в 17 лет хотели нас поженить – пусть мол, выйдет замуж, нечего учиться – ох я повоевала¹. А он украд девчонку с соседней деревни, на колхозной машине привез. С утра украд. Стали

---

¹ Р.Г.Нурмухаметова получила медицинское образование, стала известным в г. Елабуга специалистом-физиотерапевтом. В настоящее время находится на заслуженном отдыхе. Вернулась жить в деревню, где помогает односельчанам с медицинским обслуживанием.

стол собирать, сказала за водой схожу, на роднике коромысла бросила и убежала. Ждали-ждали, не дождалась к столу (ПМА, 2024: Нурмухаметова).

Иногда будущему мужу, чтобы открыто не воровать невесту, приходилось проявлять смекалку. Г.С. Хакова (Миннибаева), которая вышла замуж в 1969 г., рассказывая о своей регистрации брака – двух молодых специалистов, приехавших с разных концов республики в колхоз с. Сикертан Арского района Татарской АССР, вспоминала:

Нашему зоотехнику как молодому специалисту выделили двухколесный мотоцикл. Ну, а меня – бухгалтера председатель колхоза Габдельбар абый Файзрахманов отправил вместе с ним регистрировать мотоцикл. В соседней деревне Старая Масра оформили, там же заехали в какой-то дом, я думала дела какие председатель поручил, стояла ждала около мотоцикла. Стеснительная очень была. Еще смотрела на покрытый зеленой травой двор и думала, наверное, скотину не держат, раз такая красивая лужайка во дворе. Тут Габбас абый выходит, зовет: “*Әйдә, кызым, кер, оялма*” (“Заходи, дочка, не стесняйся” – прим. авт.). Зашла, подпись поставила, а когда начала внимательно читать – оказалось, что это документы о регистрации. Расстроилась, что меня мама убьет, хоть бы фамилию мою красивую оставил. А потом еще и председатель долго ругал меня, почему не сказала, свадьбу красивую бы в колхозе сыграли, как положено, с машинами нарядными. А я отвечала ему, что и сама не знала. Вот так и вышла замуж. А жених то видный был. Я его в первый раз вообще на фото в газете «Социалистик Татарстан» увидела, когда еще в своей деревне жила. Он в хоре пел. По телевизору с концертом выступал². Еще подругам своим говорила – если выходить замуж, то вот за такого красавца. Кто ж знал, что в одном колхозе потом работать будем (ПМА, 2020: Хакова (Миннибаева)).

Если в городах еще в 1960-е гг. появились особые наряды для жениха и невесты, обручальные кольца как следствие переноса властными структурами свадьбы в публичное пространство (Лебина, 2021: 317), то деревня пока еще не знала таких костюмов новобрачных и уж тем более в условиях дефицита не знала обручальных колец. Так, даже в 1970-х гг. далеко не все деревенские не-

---

² Молодые специалисты Ильдус и Гульнара приехали работать в колхоз им. Куйбышева, славившийся в 1960-е годы культурным строительством села. И.Г.Хаков был секретарем комсомольской ячейки. В семейном архиве Г.Л. Файзрахманова, председателя колхоза, сохранилась концертная программа колхозного ансамбля песни и пляски за 1967 г., где И. Хаков был ведущим концерта, исполнял стихи, солировал в танце (Нация. Эпоха. Личность..., 2008: 13).

весты выходили замуж в белом – покупном в специализированном салоне или специально пошитом платье.

Г.С. Хакова (Миннибаева) вспоминала:

Расписал нас председатель сельсовета, поздравил. Вечер какой-то уж небольшой устроили. А уж настоящую свадьбу потом у мамы в деревне сделали. На мне было просто белое красивое платье, нарядное. Чисто белое, из тафты блестящей. Покупала еще на выпускной 10-го класса, в нем и была. Потом из него я дочери платье «снежинки» сделала на новый год. Готовое платье покупала то ли в Казани, то ли в Кушве, скорее всего в Кушве у тети Сони. Так-то готовые платья деревенские больно не покупали, даже для выпускного в школе. Дорого было. Но у мамы–учительницы зарплата была, да и шила она всегда хорошо, подрабатывала. А расписывались тогда все в сельсовете. Это уж меня случайно белое оказалось. Да и на выпускной деревенские особо платья не покупали, даже ситцевые за 3 рубля, купить было дорого. Откуда у колхозников деньги? Сами шили или заказывали. В магазине платья были прямые ситцевые. В них и работать плохо и ходить. А так, мы “татьянки” шили, в них же работать, не в клуб ходить. Школьные-то формы не у всех были. В моем уж детстве тем более (ПМА, 2020: Хакова (Миннибаева)).

Далеко не у многих деревенских молодоженов сохранились фото с официальной регистрации. Например, у семьи Маматовых в семейном альбоме всего несколько кадров, где невеста в специально заказанном сшитом белом платье с букетом купальниц, что цвели на околице деревни, жених с букетом сирени, у свидетелей отсутствуют привычные последующим поколениям атласные ленты, в руках свидетеля небольшой каравай хлеба, а гости в простых, далеко не парадных одеждах. Фото, сделанное во время регистрации в сельском клубе, фиксирует попытку придать событию торжественность – на столе, где подписывается первый документ, молодоженов «приветствует» кукла в фате. До сих пор в семье хранится свадебный сувенир, многим сегодня незнакомый предмет из советской эпохи – диаскоп³ – пластмассовый шар с глазком, внутри которого размещен отрезок фотопленки с изображением жениха и невесты на фоне «Волги» – машины одного из дальних родственников, клуба, где проходила регистрация и попавшей в кадр хозяйственной постройке (деревенского сарая) соседнего двора.

---

³ Диаскоп представлял собой оптический прибор для воспроизведения диапозитива (кадра пленки) через окуляр, производившееся с помощью внешнего света. Мог быть любой формы. Для новобрачных обычно делали неразборные, сферической формы (в виде шара).

Регистрация в сельском клубе. 1977 г. Семейный архив Маматовых. Примечание: обращает на себя внимание кукла в свадебной фате как символ новой внедряемой свадебной обрядности на селе.

Диаскоп со свадебной фотографией. 10.03.2024 г. Фото И.И. Ханиповой.

Гости у деревенского клуба. 1977 г. Семейный архив Маматовых. Примечание: женщины старшего поколения – в платках, т.е. продолжают придерживаться традиции обязательного ношения головных уборов.

Наблюдавшиеся в 1960-е гг. новые элементы в одежде жениха и невесты, свадебный церемониал лишь в городском пространстве (Шаповалова, 2013), в 1970-е гг. стали проникать и в деревенское общество. Изучение семейных альбомов, сохранившихся в семье Р.Р. Рафагетдиновой (Нурутдиновой), выявило целую серию фото о сельской свадьбе, которая при более тщательном знаком-

стве с фотографиями и историей семьи оказалась торжеством с включением элементов городского свадебного обряда.

Способствовало тому и относительная близость родительского дома (с. Каркали) к городу Лениногорску, и финансовые возможности семьи, поскольку будущий глава работал в нефтяной отрасли буровиком. Недаром, одна из респондентов, описывая свадьбы 1970-х гг. говорила, что «у кого были деньги – зарплата (у учителей) старались с города, с городских брать пример» (ПМА, 2020: Хакова (Миннибаева)).

Учитывая, что в 1970-е гг. фотоаппарат был далеко не самым распространенным предметом в деревне, молодоженам повезло. Очевидцы событий вспоминают, что фотографировал их, а потом и печатал снимки, для того чтобы раздать гостям и друзьям, друг со стороны жениха.

Это особая история в нашей семье, – рассказывала старшая дочь. – Папа в нашей большой семье был фотографом. У него после армии остался фотоаппарат ФЭД. Он до сих пор живой, мы пробовали заправлять туда цветную пленку, у снимков очень хорошее качество. Возможно этот друг фотографировал по просьбе папы с его фотоаппаратом. В компании своих друзей именно папа был фотографом. Он был очень увлечен фотографией (ПМА, 2022: Рафагетдинова).

Новациям в свадебном торжестве предшествовало традиционное ухаживание и сватовство. Вспоминая о беседах с родителями об их жизни, Р. Рафагетдинова 1978 г.р., рассказывала:

Папа наш из очень простой семьи. Бабушка четырех детей растила одна, так как муж погиб на буровой. Жили стесненно, скромно. А мама «фифа» такая была, преподавала в деревенской школе, и папа залезал на тополя, школа 2-х этажная, и смотрел как она преподает. Так «преследовал», ухаживал, смотрел на нее, любовался. Жили они дома через 4-5 на одной улице. Мама говорила, что, когда вышла замуж в доме не было даже холодильника, свекровь мясо солила, получала в колхозе всего 12 руб. А мама-учительница, дочь директора сельской школы – Гакили Салимжановны Магизяновой, деревенская интеллигенция. В доме у них и книги, и ковры, и хрусталь. Для деревни диковинные вещи – проигрыватель с пластинками, радиола большая. Сватовство, когда приходили просить руки, традиционно соблюдали. По рассказам родителей, сватать ходили папина мама, тетушки. Сватовство очень интересно проходило в наших краях, весело, доброжелательно. Мамина мама осталась с тремя детьми, муж умер в 40 лет. Жила с ними еще *карт эби* (бабушка – прим. авт.). Они видимо без мужчин жили, поэтому очень любили, ухаживали за зятем, можно сказать – боготворили. У нас, у татар к *кияу* (зятю – прим. авт.) – всегда уважительно относились, угощали, почитали. В наших краях невеста вышивала полотенце, когда приходили сватать, жених уносил вышитое полотенце с собой, в знак того, что ему невесту отдадут. Эти

полотенца в первой половине 1980-х гг. собирали потом на сабантуй как призы. Я сама видела, как только недавно вышедшая замуж женщина привязывала такое полотенце на *киртэ* (шест – прим. авт.) (ПМА, 2022: Рафагетдинова).

По воспоминаниям очевидцев свадьбу специально подгадывали на время урожая, поэтому на столе были свои и овощи, и фрукты. Свадебный букет невесты составлялся из характерных для летних месяцев цветов, те кто играли свадьбу в мае-июне, держали в руках сирень, черемуху, в августе – гладиолусы, георгины.

Справка, выданная ЗАГСа будущим молодоженам Нурутдиновым с пресловутой формулировкой «дана для приобретения новобрачными необходимых вещей и обручальных колец», лишняя раз свидетельствовала о пресловутых временах дефицита, когда большинство свадебных предметов (начиная от колец и заканчивая туфлями) не были доступны рядовому покупателю. Наряду со свадебными туалетами по таким справкам в зависимости от уровня снабжения района могли закупаться постельным бельем, столовой посудой и другими необходимыми для молодой семьи предметами быта. Многие девушки, выходящие замуж в 1970-е гг., в условиях недостатка модной одежды промышленного производства приспособивали свои платья для повседневной носки. «Свадебное платье из материала кримплен⁴, модный по тем временам материал, сшили в ателье. Оно было длинное, простых линий, по фигуре. Потом мама отрезала длину, по моде того времени – выше колен, и носила. Она была худая, с красивыми ногами» (ПМА, 2022: Рафагетдинова).

Справка из органов ЗАГСА г. Ленинградска. 1977 г. Семейный архив Нурутдиновых.

⁴ Одна из популярнейших синтетических тканей 1970-х гг., придававшая вещам достаточно жесткий силуэт.

Брачно-семейный кодекс 1969 г., подытоживший произошедшие изменения в процедуре заключения брака, вводил в систему нормативных предписаний новые традиции, четко указывая на торжественный характер церемонии регистрации (Брачно-семейный кодекс, 1969: ст. 14.). Тогда же начали формироваться и новые формы проведения брачной церемонии – с торжественными речами и поздравлениями родных, поцелуями и шампанским, после которой городские молодожены направлялись к знаковым памятным местам в городе для возложения букета. Об этом в свое время писала известный специалист в области социальной истории Н.Б. Лебина, говоря о задачах формирования новой обрядности, поставленных перед государственными структурами и усилении «парадности ритуала бракосочетания» (Лебина, 2021: 315). Сам факт поцелуя, вынесенный на всеобщее обозрение и запечатленный на фотоснимке после официальной регистрации пары, являлся, на наш взгляд, противовесом таинству православного обряда венчания или мусульманского *никах*.

Как правило, в 1960-е гг., когда актуализировалось значение Победы, а в канун 20-летней годовщины по всей стране возводились монументы, связанные с Великой Отечественной войной, знаковыми местами для посещения молодоженами стали обелиски и памятники, посвященные героизму советских солдат в годы войны, или в простонародье – «Вечный огонь», либо памятник В.И. Ленину. По наблюдениям К.Р. Уразмановой со временем и в сельской местности появились особые маршруты, которые объезжали свадебные кортежи после регистрации брака (Уразманова, 2014: 115).

Новые традиции. Возложение цветов к Вечному огню. г. Лениногорск. 5.08.1977 г. Семейный архив Нурутдиновых.

Свадебный кортеж. 5.08.1977 г. Семейный архив Нурутдиновых.

Несмотря на то, что регистрация состоялась в г. Лениногорске, Нурутдиновы «отмечали» свадьбу в деревенском доме у родителей жениха. На фотографиях запечатлен свадебный кортеж, который, судя по рассказам, сохранившимся в семье, был в те годы очень масштабным – состоял из 12 машин. Укра-

шения были самые минимальные, доступные атласные ленты. Флагманская машина «Волга» украшена куклой, одетой в национальный наряд, запомнилась гостям свадьбы. Р.Р. Рафагетдинова вспоминает:

Машин было много по рассказам родителей, да и на фото я сама видела. У родственников таких машин не было, они с папиной работы. У него был старший товарищ, который поддерживал, отечески опекал, так как папа вырос без отца. Папа называл его «мой генерал». Он и организовал свадебный кортеж, все машины, собрали наверно по предприятиям города. Папа рассказывал, что у них были «топовые» машины для тех времен, в том числе и «Волга» типа «Победы». Его, деревенского парня, на работе поддержали, нашли машины (ПМА, 2022: Рафагетдинова).

Отметим, такое количество автомобилей не только для деревенской свадьбы, но и для Лениногорска было действительно необычным явлением. Оно показывало достаток семьи, близость к нефтяному городу и достаточно высоко оплачиваемые в те годы профессии. К примеру, на свадьбе у Р.М. Валитовой была только одна машина (ПМА, 2024: Валитова).

Появление кукол на капотах⁵ свадебных машин в 1970-х гг. несло в себе некую символику, связанную с ожиданием будущего малыша. По версии современников такие куклы служили просто украшением машины, чтобы все понимали, что едут жених и невеста. «За куклами тогда охотились. Кукла ушла маленькой 6-летней девочке, ее подарили моей троюродной сестре. И она эту куклу всю жизнь берегла. Стояла в деревне на серванте всю жизнь» (ПМА, 2022: Рафагетдинова).

Традиционно свадьбы на селе предпочитали проводить в теплое время года, так удавалось усадить всех гостей за накрытыми столами во дворе. По воспоминаниям очевидцев, свадьба Нурутдиновых тоже проходила во дворе. Не было привычного для современных свадеб обилия цветочных букетов, украшений – плакатов, шаров. Не смущала гостей свадьбы и простота обстановки двора.

Было жаркое лето. Родственников у нас очень много. Поэтому папиной мамы простой пятистенок не вместил столько гостей. Отмечали прямо на улице. Тепло же. Все родные и с той и с другой стороны любят петь, плясать. Семья вся поющая, танцующая, знали много народных песен, песни тех времен – Альфии Авзаловой, Ильгама Шакирова. У нас в деревне без баяна ни одного мероприятия не проходило. Папин друг играл на баяне. Все любили петь. Все папины сестры, мама хорошо пела. Все любили танцевать. Мама хорошо вписалась, пела вместе с папиными сестрами (ПМА, 2022: Рафагетдинова).

---

⁵ Иногда на фотографиях более позднего времени видны куклы, привязанные к бамперу машины.

Р.Б. Магизьянов, младший брат невесты рассказывал: «Основная свадьба была у жениха дома, на улице (во дворе). Народу было как обычно много. Человек 80. Это было норма. Деревенские тоже были. Но в основном родственники. На свадьбе гармонист был. Но были и записи, колонки из дома вынесли, к магнитофону подсоединили усилитель» (ПМА, 2024: Магизьянов).

В том же дворе провели второй день торжества. Дарили молодоженам все, что могло пригодиться в повседневной жизни – «принадлежности для дома» – ложки, тарелки, всевозможную посуду, деньгами, «все что нужно молодой семье. Крупных подарков не было. Семьи довольно простые» (ПМА, 2022: Рафагетдинова). Своей посуды, по воспоминаниям старшей дочери Нурутдиновых, явно не хватило, хотя родители невесты по деревенским меркам были достаточно обеспеченными. На помощь пришли соседи, одалживая тарелки, ложки, стаканы. На фото свадебного застолья много эмалированной посуды.

В обыденной жизни эмалированная посуда была у папиной бабушки. Она – деревенская женщина, посуда без изысков, простая. А вот у маминой бабушки – вкус, где что видела, несмотря на скромный достаток, все равно старалась приобрести. У нее всегда все было изысканно, даже японские тарелки были с надписью “made in Japan”. Она и на деревенскую женщину была не похожа. Уточненная, с не деревенскими длинными пальцами... Папина мама вкусно готовила. Моя тетя говорит, что бабушка – жена буровика, стоявшего у истоков бурения в первые послевоенные года, всегда следовала за дедом. В одной русской деревне они с дедом снимали дом, там она научилась готовить капустный суп, оттуда она привезла семена и рассаду *кабестэ* (капусты – прим. авт.), начала сажать, выращивать. Очень вкусно готовила. Самый вкусный *баурсак* (сладкий мучной десерт – прим. авт.) – на свадьбу или другие мероприятия всегда у нее заказывали. В наших краях на свадьбах были только *баурсак* и *бәлеш* (пирог с картофелем, мясом и луком – прим. авт.). Мы не знали *губадии* (сладкий пирог с многослойной начинкой – прим. авт.), *чак-чака* (сладкий мучной десерт – прим. авт.). На столах все со своего огорода – яблоки, овощи. Нечего, да и негде было покупать (ПМА, 2022: Рафагетдинова).

По рассказам дочери Нурутдиновых 1978 г.р., основанных на воспоминаниях родителей и собственных ранних детских впечатлениях, мамин брат жил в Минеральных Водах и чемоданами привозил фрукты в виде гостинцев.

Такого качества фруктов у нас не было. В деревне свадьбу долго помнили – и людей много, и весело. На стол всегда ставили парно – «*пар икмәк, пар каз*» (пару хлеба, пару гусей – прим. авт.) как символы. В нашей семье много поколений эта традиция соблюдалась. А когда я замуж выходила, мои свекор со свекровь городские, немножко традиции нарушили, поэтому мои родственники до сих пор помнят, шутят да посмеиваются (ПМА, 2022: Рафагетдинова).

Во дворе дома. с. Каркали. 5.08.1977 г. Семейный архив Нурутдиновых.

Изучение фотографий показывает, что праздничное свадебное застолье не обходилось без шампанского. В большом количестве на столе стояли бутылки лимонада – узнаваемые современниками 1970–1980-х гг. так называемые «чебурашки» – популярного газированного безалкогольного напитка с этикетками в форме мандариновой дольки – «Крюшон», «Дюшес», «Буратино», «Квас русский». На уровне бытовой памяти, через рассказы очевидцев проясняется, что «свадьба была не без алкоголя, хотя явно на столе и не стоял. Но, точно никто не напился, такого не было».

Свадебное застолье. Молодожены. с. Каркали. 5.08.1977 г.

Семейный архив Нурутдиновых. Примечание: на праздничном деревенском свадебном застолье расположены весьма популярные в то время газированные безалкогольные напитки – лимонад, квас, выпускаемые в бутылках-«чебурашках», а также только что появившееся шампанское.

На фотографиях присутствует сам процесс свадьбы, настроение гостей, непритязательных к украшениям обстановки. Внимание не акцентируется на простоте убранства двора или дома. Это не было главным. Фото, сделанные к концу вечера – те же гости, парно, группами, словно несли желание того, кто за объективом, сохранить в памяти гостей не только свадьбу, но и себя на этом торжестве.

Свадебное застолье. с. Каркали. 5.08.1977 г. Семейный архив Нурутдиновых.

Свадьба Шамиля и Флеры Фархутдиновых. с. Каркали. 1975 г.
Семейный архив Нурутдиновых. Примечание: невеста в свадебном платье с коромыслом
являет собой сочетание «татарскости» и «советскости» в традиционном свадебном обряде.

Явное отсутствие «идеологии визуальных форм» (Круткин, 2005: 172), или т.н. «показухи», доказывает наличие на фотоснимках вполне себе «непродуманных» моментов – повседневной одежды, висящей на гвозде и попавшей в кадр, кастрюль, тазов на дополнительном столе.

Анализ фотографических снимков навел на мысль, что торжество семьи Нурутдиновых не являлось рядовой деревенской свадьбой для того времени. Оно вносило в деревенское пространство новые элементы, характерные для городского празднования. Эти выводы подтверждаются материалами интервью, во время которых респонденты рассказывали о своем опыте свадебных церемоний.

Изучение коллекции свадебных фотографий позволило выявить еще несколько важных с точки зрения антропологии моментов фиксации обрядов, когда невеста в нарядном платье с коромыслом несет в дом воду или ее ставят на белую-белую подушку, а также внешности гостей, моды того времени, посуды.

В свое время Р. Барт высказал мысль о том, что функция фотографического письма (фотографии – прим. авт.), «в масштабе общества в целом – интегрировать, то есть ободрять человека» (Барт, 2003: 392). На наш взгляд, не менее важный функционал фотоснимков, наряду с эмоциональным воздействием – сохранение исторической памяти об уходящем советском прошлом. Свадебные фотографии являются не только иллюстративным материалом по проблеме формирования новой «советской обрядности» в социокультурном пространстве деревни, в том числе деструкции свадебного образа и лишения его национальных черт и особенностей, но и многоплановым источником, на основе которого базируется конструирование коллективной памяти о советском прошлом.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

Кодекс о браке и семье РСФСР от 30.07.1969 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6> (дата обращения: 16.02.2024).

ПМА 2020 – Полевые материалы экспедиции автора в г. Елабуга Республики Татарстан (Г.С. Хакова (Миннибаева), апрель 2020 г.

ПМА 2022 – Полевые материалы экспедиции автора в с. Тимяшево (Ромашкино) Лениногорского района Республики Татарстан (Р.Р. Рафагетдинова (Нурутдинова), июнь 2022 г.

ПМА 2024 – Полевые материалы автора. Интервью с Равиль Бариевичем Магизяновым 3 марта 2024 г.

ПМА 2024 – Полевые материалы экспедиции автора в г. Елабуга Республики Татарстан, (Р.М. Валитова), март 2024.

ПМА 2024 – Полевые материалы экспедиции автора в с. Старая Кня Кукморского района Республики Татарстан (Р.Б. Нурмухаметова), февраль 2024.

Постановление Совета Министров РСФСР №203 «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов» от 18.02.1964 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/885249509> (дата обращения: 16.02.2024).

Семейный архив Р.М. Маматовой (Валитовой).

Семейный архив Р.Р. Рафагетдиновой (Нурутдиновой).

Семейный архив Ромазановых.

ЛИТЕРАТУРА

Абилова Р.О. Детство в сельской «глубинке» сквозь призму семейных альбомов // Социальное и национальное в советской культуре: к 65-летию Декады татарского искусства и литературы в Москве: сборник статей по материалам Международной научной конференции (г. Казань, 27–28 октября 2022 г.) / отв. ред. И.И. Ханипова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. С. 274–286.

Барт Р. Фотографическое сообщение // Система моды. Статьи по семиотике культуры. Пер. с фр., вступит ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 378–392.

Буреева Е.В. Комсомольская свадьба 1960-х годов в системе идеологического воспитания советской молодежи: замыслы и реализация // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 503–520. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.215>

Гириц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.

Круткин В.Л. Антропологический смысл фотографий семейного альбома // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. №1. С. 171–178.

Круткин В.Л. Фотография и фильм в исследованиях социокультурной материальности // Вояджер: мир и человек. 2018. №10. С. 124–129.

Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля: Ленинград: 1950–1960-е годы. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб.: Крига, 2021.

Нация. Эпоха. Личность. Сборник памяти доктора исторических наук Г.Л. Файзрахманова. Казань: Институт истории АН РТ, 2008.

Уразманова Р.К. Праздничная культура и культура праздников у татар. XIX – нач. XXI вв. Историко-этнографические очерки. Казань: Ихлас, 2014.

Шаповалова Я.А. Советская свадебная обрядность в 1950–1980-х гг.: традиции и новации // Теория и практика общественного развития. 2013. №11. С. 354–359.

REFERENCES

Abilova R.O. (2022). Looking at family photo albums: Childhood in the rural area. In: I.I. Khanipova (ed.) *Social and national components in the Soviet culture: To the 65th anniversary of the Decade of Tatar Art and Literature in Moscow*: Collection of articles. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ.: 274–286 (In Russ.).

Bart R. (2003) Photographic message. In: *Fashion system. Articles on the semiotics of culture*. Transl. from French, intro. and comp. S.N. Zenkin. Moscow: Sabashnikov Publ. House: 378–392. (In Russ.)

Bureeva E.V. (2020) The Komsomol wedding of the 1960s in the ideological education of Soviet youth: intentions and implementation. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern history of Russia]. Vol. 10. No. 2: 503–520. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.215> (In Russ.)

Gierts K. (2004) *Interpretation of cultures*. Translated from English. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russ.).

Krutkin V.L. (2005) The anthropological meaning of photographs of a family album. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 8. No. 1: 171–178. (In Russ.)

Krutkin V.L. (2018) Photography and film in studies of sociocultural materiality. *Voyadzher: mir i chelovek* [Voyager: the world and man]. No. 10: 124–129. (In Russ.)

Lebina N.B. (2021) *The everyday life of the epoch of space and corn: the destruction of the grand style: Leningrad: 1950s–1960s*. 2nd edition. St. Petersburg: Kriga Publ. (In Russ.)

Nation. Era. Personality. (2008) Collection of the memories of G.L. Fayzrakhmanov, Doctor of Historical Sciences. Kazan: Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ. (In Russ., Tat.)

Urazmanova R.K. (2014) *Festive culture and the culture of holidays among the Tatars. 19th – early 21st centuries. Historical and ethnographic essays*. Kazan: Ikhlas Publ. (In Russ.)

Shapovalova Ya.A. (2013) Soviet wedding ceremony in the 1950s and 1980s: traditions and innovations. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 11: 354–359. (In Russ.)

Сведения об авторе: Ханипова Ильнара Ильдусовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, заведующий отделом новейшей истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-7585-8069>; e-mail: ihanipova@mail.ru

About the author: Il'nara I. Khanipova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Senior Research Fellow, Head of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-7585-8069>; e-mail: ihanipova@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 24.11.2023

Доработана после рецензирования / Revised 12.01.2024

Принята к публикации / Accepted 26.02.2024